

18+

Игорь Ходаковский

ПАША
КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Повесть

Игорь Анатольевич Ходаковский Паша Колокольчиков. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54165634

ISBN 9785449868046

Аннотация

Герой, бывший воспитанник детского дома, всю сознательную жизнь мечтает встретить мать, которую он никогда не видел, но она ему часто снится. Он работает в Доме культуры художником под началом человека скрытного и недоброжелательного. Юноша полон творческих надежд, мечтаний, ведь завтра 22 июня 1941 года, ему исполнится восемнадцать лет. Он желает влюбиться в девушку. И судьба будто его слышит! За короткое время ему удаётся встретить мать, полюбить женщину, увидеть предательство и смерть...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Паша Колокольчиков
Повесть
Игорь Анатольевич
Ходаковский

© Игорь Анатольевич Ходаковский, 2020

ISBN 978-5-4498-6804-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Паша осторожно ступал босыми ногами по пыльной, затвердевшей от засухи грунтовой дороге, остерегаясь острых камешков и комков затвердевшей глины. Порой он отрывал взгляд со сбитых ног и с надеждой взирал вдаль на просторные поля и тёмные леса, будто ожидая, вот-вот увидеть конечный пункт своего трудного путешествия.

Наконец мальчишка увидел краешки печных труб, которые показались из-за лысого бугра в колыхающемся мираже горячего воздуха. Он крепко сжал растрескавшиеся губы, пытаясь найти языком на внутренних сторонах сухих щёк хоть каплю слюны, чтоб проглотить её и смочить пересохшую до онемения гортань. Но от зноя и утомительного пути, она никак не появлялась во рту, даже когда он морщился лицом и крепко сдавливал щёки.

Ободрившись оттого, что, показалась деревня, он решил чуть передохнуть и присел на обочину, подмяв под себя жёлтый клочок сухой травы. Паша смахнул ладошкой, бегущие по лбу струйки пота, поглядел на влажные пальцы и осторожно лизнул их суконным кончиком языка. Солёный вкус испарины мгновенно скривил веснушчатое лицо парнишки, и он тут же сухо сплюнул её на пыльную дорогу. Затем поднялся на ноги, брезгливо обтёр ладонь о серую рубаху и, подтянув широкие штаны, препоясанные серой бечёвкой, из послед-

них сил поплёлся в сторону населённого пункта, предвкушая радость и облегчение от живительной колодезной воды.

Подойдя к крайней избе, он изумился, потому что увидел, как она вдруг заколыхалась бумажным листом, перекосилась вправо, затем влево и звучно лопнув, рассыпалась в чёрную пыль. Порошок мгновенно напитался земной влагой и потёк вязкой массой к его ногам, источая едкий запах масляной краски. Мальчишка отскочил в сторону, но разросшаяся токсичная лужа прыгнула к нему и глухо распласталась по земле, затем рыкая, окружила его со всех сторон.

Внезапно подул ураганный ветер, с ходу подхватил расплывшуюся кляксу и понёс её над бескрайним полем, болтая из стороны в сторону, так, что вскоре рассеял без остатка в воздухе.

Только у последнего дома мальчишка увидел колодец, с новым крепким срубом.

Паша немедля бросил ведро в глубину колодца, зачерпнул воду до краёв и живо потянул верёвку наверх. Чистая прохладная вода колыхалась манящей свежестью и сверкала солнечными зайчиками. Паша сразу прильнул к ведру, чтобы вволю напиться, но в тот же момент в жестяной сосуд упал огромный шершень. Насекомое гулко жужжало большими, прозрачными крыльями и, бороздя кругами по воде, отчаянно пыталось взлететь.

Мальчишка отскочил от ведра и увидел крупное жало хищного насекомого, ищущего в кого впиться. Шершень

не тонул и не взлетал, он вертелся по водяной глади и не давал Паше утолить невыносимую жажду.

Мальчугана возмутило наглое поведение незваного гостя. Собравшись духом, он смело сунул ладошку в воду и резко выплеснул насекомое на траву. Затем поднял тяжёлое ведёрко, и хотел было, насмерть придавить опасного бушняя.

– Паша! – окликнул его женский голос.

На пороге избы стояла женщина в белом платье, лет сорока с приятным лицом.

– Ты куда пропал, сынок? – взволнованно спросила она. – Переживала за тебя!

– Ты что, мама? – удивился Паша. – Лошадь отводил в правление колхоза. Мы ж вчера целый день картошку окупивали.

– Забыла! – растерянно ответила женщина.

Паша прильнул к ведру и стал цедить, как лошадь из серёдки, смачно втягивая губами родниковую воду.

– погоди пить пустую воду, – остановила его женщина, – за молоком схожу.

Мальчишка нехотя оторвался от питья и, поглядев в сторону женщины, обеспокоенно сказал:

– Ты же опять не принесёшь мне молока, мама.

– Откуда ты знаешь сынок? – спросила женщина и обтёрла слёзы на серых глазах.

– Потому что всегда жду, а ты не приходишь, – растрогавшись, ответил Паша.

– Может, теперь приду, – с надеждой произнесла женщина.

– Ладно, я подожду, – согласился мальчишка, поглядывая на ведро с водой...

Павел Иванович, как теперь его уважительно называли коллеги по работе, шёл на службу к восьми часам утра – срочно требовалось написать новые лозунги на транспорантах и вывесить их над входом в Дом культуры. Далее он мог быть свободен до понедельника. А сегодня, в субботу вечером Павел планировал пожаловать на танцы и обязательно познакомиться с симпатичной девушкой, чтобы завтра в воскресенье, двадцать второго июня, пригласить её на свой День рождения, когда ему исполнится полных восемнадцать лет.

Парадно звеня железными набойками по серому булыжнику дореволюционной мостовой, он с восторгом глядел на чёрные носы новых туфель, поочерёдно вспыхивающих отблесками июньского солнца. На эти башмаки он потратил половину своей первой зарплаты.

Павел Иванович поглядывал в магазинные витрины, любясь своим, как ему казалось замечательным отражением. Ещё бы! Новые отглаженные серые брюки сидели безупречно, подчеркивая стройность и силу ног, рубашка сияла завидной белизной, воспевая горячее лето. Текстильная статья расходов, безжалостно съела остаток месячного жалованья.

Он остановился у большого окна продуктового магазина,

неторопливо поправил ладонью длинную чёлку русских волос, повертел головой справа налево и обратно, внимательно разглядывая своё недурно сложенное лицо, где лишь только оттопыренные уши, слегка портили идеальную картину. Манящей улыбкой, он показал продавщице тщательно начищенные зубным порошком белые зубы, подмигнул ей серым глазом, намекая на мгновенно возникшую симпатию. Девушка незамедлительно ответила на пылкость юноши и выразительно повертела пальцем у собственного виска.

Молниеносный отказ в любовном расположении не заронил в юношеском сердце сомнения о собственной превосходной внешности. Бросив взгляд на следующую витрину, он с большим удовольствием вцепился глазами в колбасные изделия, которые за стеклом в огромном множестве аппетитно искушали его голодный желудок.

– Мама! – раздался звонкий, встревоженный голос незнакомого мальчишки, – погоди, не успеваю за тобой.

Женщина остановилась, повернулась к любезному чаду, вытянула приветливо к нему руки и ослепительно улыбнулась. Теперь не чувствуя усталости, малыш залился восхительным смехом, и с ходу кинулся к ней на грудь, крепко обняв, мамину шею.

Павел умилился и ощутил их искренние чувства друг к другу. Почувствовал счастье, которое брызнуло в него фонтаном, коснулось его души, но не задержалось в нём.

Хорошее настроение отхлынуло от его сердца, потому что

он опечалился своей безродностью и полнейшим одиночеством.

По сей день его не покинуло душетомительное ожидание, что вот сейчас в комнату войдёт его любимая мама и заберёт его из детского приюта в свой дом, где будет тепло и необыкновенно уютно. Но прошло восемнадцать лет беспросветных ожиданий, и никто за Пашей не пришёл.

Сегодняшний сон, в который раз разбередил болезненные думы о матери и отце, которых он никогда не видел и ничего не знал ни об одном из родственников.

Эта женщина, которую он называл мамой, снилась ему постоянно. Она приходила в его сон ярко и подолгу разговаривала с ним, называя его сыном, ласкала и всегда перед разлукой горько плакала, объясняя, что не может с ним остаться ни при каких обстоятельствах. Но уверяла его в своей любви и обещала вновь прийти к нему.

«Может, она моя настоящая мама! – подумал Павел. – Кто – то родил меня, значит она где – то есть!»

Павел Иванович старательно погнал болезненные мысли из сердца и головы мечтами о будущей прекрасной, семейной жизни. О том, что он желает всем сердцем стать живописцем и что ему необходимо поступить в художественное училище в Москве, но не теперь, а на следующий год, когда у него будут средства на обучение.

Будучи маленьким ребёнком, он однажды увидел, как воспитатель провела карандашом по листу чистой бумаги жир-

ную красную линию. Паша от удивления заёрзал на стульчике, хватаясь ручонками за большой карандаш. Он чертил им до тех пор, пока не сточил грифель. Но и потом не захотел растоваться с любимым карандашом, так и уснул с ним в кроватке.

В школе он ждал уроков по рисованию, как чуда и любил изображать с натуры, на заданные и свободные темы, словом, всё, что касалось живописания, Пашу приводило в безмерное желание часами малевать на листе бумаги окружающий и воображаемый мир.

Глава 2

Павел вошёл в мастерскую, надел рабочий халат, вымазанный спереди засохшей краской, и подошёл к старшему художнику Ивану Кузьмичу, который его не заметил, уставившись в листы бумаги.

– Где срочное задание, Иван Кузьмич? – бодро, с готовностью спросил Павел.

– Вот, – недовольно буркнув, вручил ему бумаги художник, – к танцам сии произведения должны красоваться на здании.

Павел взял в руки лист и вслух прочитал отпечатанный на машинке текст:

– Я безбожник, а ты? Оградим детей от поповских когтей...

– Не могу эти суждения писать! – возмущённо сказал художник Кузьмич.

– Тут дел на два часа, каркасы готовые есть, обтянем материалом и распишем, – ободрил коллегу Павел.

– Эх, ты! Ложь здесь написана! – горячо пискнув, ответил Иван Кузьмич. – Стыдно и страшно думать так, а не то, что писать.

– Кого престоыдились и напугались? – искренне удивился Павел.

– А ты не знаешь? – серьёзно спросил Иван Кузьмич. –

Бога боюсь!

– Посетите лекцию в союзе воинствующих безбожников, они вам всё толком объяснят, – успокоившись, посоветовал юноша. – Я давно всё понял – над всем стоит мать природа!

– Дурак ты молодец! – осадил Павла художник. – Она откуда взялась? У вас товарищ Колокольчиков, чувственности для художеств недостаёт. А как без неё художником стать?!

– Не хотите, не пишите. К чему этот разговор? Сам справлюсь! – обиженно заявил юноша. – Одолжите мне до получки пятьдесят рублей и ступайте домой.

Кузьмич поспешно вынул из кармана деньги, шлёпнув ладонью, положил их на рабочий стол, схватил клетчатый пиджак, не попрощавшись вылетел из мастерской.

Павел, насвистывая интернационал, с энтузиазмом принялся за идеологически важную работу.

Когда время перевалило за полдень, он вынес на улицу свежие транспаранты и установил их в металлические рамы на фасаде Дома культуры.

Колокольчиков перешёл дорогу, чтобы издали полюбоваться работой и, найдя её блестяще исполненной, гордо вскинув голову, неторопливо отправился прогуляться по любимому городу.

Со сладостным причмокиванием, он выпил стакан газированной воды с сиропом, затем смачно проглотил порцию сладкого мороженого пломбир. А после направился к речке искупаться и поваляться на тёплом песке, мечтательно раз-

мышляя о своей будущей семейной и творческой жизни.

Яркое солнце слепило глаза Павла Ивановича, он недовольно морщился и сожалел, что не прихватил кепку. Пришлось прикрываться ладошкой, но как не старался Павел спрятать глаза от светила, всё же не уберёгся и поймал яркого зайчика, который отскочил от золотого церковного креста на макушке купола и тонкой иглой пронзил приоткрытый глаз, так что он сразу его закрыл. Павел потёр повреждённый глаз и прослезился. Попытался поглядеть вперёд, но зрение показало размытые, нечёткие черты городского пейзажа. Открыв здоровый глаз, он увидел у киоска с надписью «Баржом» Ивана Кузьмича, который проглотил стакан воды и принялся пить второй.

– Паша! – окликнул его художник, поперхнувшись водой, – тебя ищу.

Иван Кузьмич был растерян и суетлив, глаза подёрнулись слезливой пеленой. Столь резкая перемена в облике человека удивила Павла и даже напугала его. Широко раскрыв оба глаза, он с участием спросил:

– Что с вами случилось?

– Прости меня Паша! – просипел Иван Кузьмич.

– За что? – искренне не понимая, спросил юноша и закрыл болезненный глаз.

– Согрешил я пред тобою, – захныкал художник.

– Успокойтесь, ничего вы мне плохого не сделали, – кинулся к нему Павел. – Вы меня всегда наставляли, учили

и деньги одалживали.

– Пустое говоришь, Паша! Я руки умыл, а тебя несмышлёныша оставил в мастерской транспаранты писать. Прибежал домой и рад радёхонек, что греха избежал, от души по-радовался в сердце своём, а оно как заболит и сущность моя вдруг загорелась огнём. И осуждение от Бога грузом неподъёмным на меня легло, что не продохнуть.

– Разве с человеком такое приключение бывает, – ещё больше удивился Павел. – Может вы заболели?

– Скажи, что ты меня понимаешь и прощаешь, – попросил художник, будто покидая этот мир. – Я же знал, что нельзя писать, а ты нет. И сейчас не ведаешь.

– Ладно, прощаю вас, – подумав секунду, другую искренне с состраданием сказал Павел и открыл повреждённый глаз, который теперь видел, как и здоровый.

Лицо художника порозовело, и тень печали исчезла с него, он улыбнулся и, кашлянув, попросил:

– Паша, никому не говори, что я отказался писать лозунги, ни сотрудникам нашим, ни директору, а особенно партийным работникам. Понимаешь?

– Ладно.

– Хочешь, ещё денег одолжу? – любезно предложил Иван Кузьмич.

– Не беспокойтесь.

Колокольчиков направился, как и планировал к речке, где

был городской пляж. Павел пытался понять, что же случилось за считанные часы с Иваном Кузьмичом. От чего этот взрослый, уверенный в себе человек, переменялся на его глазах и чуть живой просил прощения. Никаких видимых проступков и действий с точки зрения законов и морали Павел не усматривал в его поведении. А чуждые размышления о Боге и грехе не казались ему существенными и могущими вызвать в сознании и сердце человека смущения и страдания способные перевернуть всю жизнь наизнанку.

На песчаном берегу не оказалось свободного места и Павлу пришлось разместиться с краю на траве. Пляж кипел плесканием в воде, детскими восторженными визгами и бесконечными окриками матерей, бабушек и дедушек. Колокольчиков с удовольствием глядел на беззаботные игры ребят и гладь широкой реки, получая извне мир и покой, которые источались из невидимых источников и благодатно касались его. Паша лёг на спину и подумал, как хорошо ему оттого, что он живёт в лучшей стране, где так много прекрасных людей и возможностей.

Вдруг подул прохладный ветер, и приплыла тёмно-серая туча, закрыв собой ласковое солнце, а затем и всё голубое небо. Прохлада выгнала людей из воды. Неподалёку громко ударил гром. Наскоро засобирались отдыхающие, напугавшись грозы и ливня. Вскоре берег заметно опустел, но Павел остался под густыми ивами переждать короткий летний дождь, а потом занять лучшее место на пляже.

Порыв воздушного потока пронесся над берегом, взвихрив жёлтый песок. Ветер достиг Павла и будто остановился над ним, завертелся вихрем и некоторое время стоял столбом, затем сорвался и погнал стороной чёрную тучу, не успевшую здесь проронить ни капли.

Колокольчиков поднялся с земли и стал глядеть на мелькающие вдалеке всполохи грозы, чувствуя в сердце бурно наплывающую, необъяснимую тревогу и страх. «Неужели испугался грозы? Никогда не боялся, всегда ждал первого грома и всполохов на небе. Что так дурно сделалось во мне?» – недоумевал Павел.

Он поглядел на безлюдный берег, утихающую рябь на воде и быстро распогодившееся голубое небо, немного успокоившись, подумал: " Всё как прежде вокруг. Может, у меня температура поднялась? »

Остаться на пляже, он не хотел, в общежитие идти тоже желания не было. Решил Колокольчиков провести свободное время до вечера в стенах Дома культуры среди участников художественной самодеятельности, где всегда царило безграничное творчество и неугасающий задор.

Павел быстрым шагом отправился в культурное учреждение, всерьёз полагая, что там он обязательно успокоится и обретёт прежнее душевное равновесие.

Он подошёл к Дому культуры, поглядел на свои произведения и теперь вдумчиво прочёл лозунги вслух:

– Я безбожник, а ты? Оградим детей от поповских когтей!

Павел неожиданно понял, что лозунги носят оскорбительный, откровенно хамский и унижительный характер, с которым он часто сталкивался в детском доме, да и сейчас среди некоторых граждан, например на рынке. «Но позвольте, эти лозунги поручили написать образованные люди из горкома партии, – оправдался Колокольчиков. – Я выполнил работу и что же, стал причастником унижения граждан своей страны, пусть верующих и священников?.. Ивана Кузьмича люблю и уважаю, не желаю оскорблять его, потому что он достойный человек и хороший художник. Как же я не подумал об этом, а с прилежным старанием, без сомнения в правильности содержания текста по-стахановски выполнил работу?!»

Павлу стало невозможно стыдно и за себя, и за весь город, и за всю страну. Теперь ему показалось, что все горожане знают, что это он написал скверный текст. Граждане теперь будут брезгливо на него смотреть, гневно сверкать глазами, проклипать и с презрением и молчанием проходить мимо.

Павел сник, раздираемый неведомым ранее противоречием, тяжело вздохнул, но собрался духом и вступил в борьбу: «Партия ошибается, комсомол, государство?! Разве это возможно, чтоб целая страна заблуждалась? Конечно, чушь!!! И как в мою голову пришёл оголтелый оппортунизм?!»

Он вошёл в прохладное фойе Дома культуры, куда доносились звонкие голоса детей из репетиционных комнат, звуки музыкальных инструментов и кто – то баритоном чудес-

но исполнял русский романс «Очи чёрные». В приоткрытую дверь из зрительного зала долетали отрывистые фразы женских и мужских голосов – там шла репетиция драматического спектакля на революционную тему. Павел юркнул в проход и уселся с краю на сиденье, которое звонко скрипнуло, так что все устремили взоры на него.

– Что такое?! – возмутился режиссёр, вздыбив седые локоны длинных волос.

– Это я, – тихо ответил Павел, – зашёл поглядеть, не помешаю?

– Художник! – воскликнул режиссёр и пулей спустился со сцены по ступенькам в зал и, подступив к Павлу, требовательно спросил. – Задник, когда будет готов?

– Как и планировали, через неделю, – уверенно ответил Павел.

– Перерыв пять минут, – крикнул актёрам режиссёр и присел на сиденье в другом ряду напротив Павла. – Товарищ Колокольчиков, вручайте меня. Позарез нужен человек на роль матроса балтийца.

– Товарищ режиссёр, вы человек образованный в столице бывали, многое видели и читали, – осторожно начал Павел, – скажите только честно.

Театрал удивлённо поглядел на юношу, выдержал паузу и ещё более настороженно спросил:

– А что?

– Бог есть? – прямо спросил Павел.

Испугавшись вопроса, режиссёр завертел головой по сторонам, желая удостовериться, что более никто не слышал означенной темы.

– Как сказать, – запинаясь, ответил режиссёр и ещё раз обвёл взглядом зал и пожал плечами.

– Не знаете?

– Поймите меня правильно, – извинительно пояснил театрал, – мне крайне затруднительно сейчас ответить на этот вопрос. Может, в другой раз поговорим?

– Если люди боятся открыто рассуждать о Нём, – размыслил Павел, – значит, Он есть, с чего бы они боялись рассуждать, если бы Его не было?

– Это провокация! – подскочил на ноги режиссёр и, заикаясь от возбуждения, громко продекламировал. – Я ничего не знаю и ничего не слышал, что вы здесь говорили.

– Я спросил вас о смысле нашего бытия, – удивлённо пояснил Павел.

– Вот именно! – с нарочитым посылом, и выброшенной вперёд рукой осуждающе бросил режиссёр и направился к сцене.

– Не буду играть в вашем спектакле, – огрызнулся юноша вслед напуганному работнику культуры.

– Обойдёмся как – нибудь! – не глядя на Павла, ответил режиссёр самодеятельного театра и, похлопав в ладоши, призвал актёров на репетицию.

После неожиданного и неприятного разговора Колоколь-

чиков утвердился в правоте своего наставника Ивана Кузьмича и немедленно направился к транспарантам. Павел смело и без сомнения демонтировал лозунги, взвалил тяжёлые рамы на плечи и понёс в мастерскую. Не раздумывая, он сорвал с рам полотнища с надписями. Затем подошёл к окну, чтобы собраться с мыслями и поглядел на уличные часы, которые показывали три часа дня. Подумав, Павел принял решение написать другие лозунги, так как времени до вечера было предостаточно. Он подошёл к столу и карандашом на клочке бумаги написал: «Да здравствует любимая страна Советов!» и «Работай так, как учит Сталин!»

Идея Павлу понравилась, он от души улыбнулся и с удовольствием приступил к работе.

К шести часам, он спустил вниз подсохшие транспаранты и закрепил на фасаде здания.

– Что это? – растроенно спросил директор Дома культуры Сергей Владимирович Силантьев.

– Где? – переспросил Павел.

– Решили сорвать политическое мероприятие?! – вмешался инструктор горкома партии.

– Сам, лично отдал им текст, – извинительно сказал Силантьев и строго спросил у Павла. – Где Кузьмич?

– Работу сделали, он домой отправился, – объяснил Павел, – а задание мы выполнили, только вот рамы сломались.

– Почему новые каркасы не сделали? – вскипел партработник.

– Вам не нравятся эти лозунги? – громко и подчёркнуто удивлённо спросил Павел.

Руководители одновременно вздрогнули от пламенно брошенного вопроса на повестку дня и смущённо переглянулись.

– Прикажете снять? – многозначительно спросил юноша.

– Что вы, молодой человек! – проявил политическую грамотность партработник и бросая благодарный взгляд по сторонам продолжил – великолепные лозунги, кто придумал, чья инициатива, назовите фамилии?

– Художники у меня политически грамотные, так сказать авангард политического сознания, – ответил, расцветший в улыбке Силантьев.

– Премируйте сознательных товарищей, – настоятельно предложил ответственный работник и собрался уйти.

– Товарищ инструктор, – обратился Павел. – Почему в сказочные чудеса верить можно, а в Божественные нельзя?

Инструктор мгновенно побагровел, стиснул зубы, но сдержался и как былинный богатырь басом ответил:

– Из сказки мы можем сделать быть, а из той чепухи проку никакого для государства.

– Вот оно что! – почесал затылок Павел.

«Вопрос серьёзный, всех на изнанку выворачивает, и врать заставляет?» – подумал Колокольчиков.

Павел был рад и горд собой, что не испугался важных людей и нашёлся, что им ответить и что совершил поступок до-

стойный взрослого мужчины и гражданина своей любимой Родины. Увидел он в своём поступке и практический смысл для Ивана Кузьмича, ведь теперь никто не будет его заставлять писать омерзительные лозунги, по крайней мере, некоторое время.

Глава 3

Павел направился в парк, что окружал дом культуры. Он прошёл мимо летней танцевальной площадки, где уже появились музыканты с инструментами. Они оживлённо обсуждали очередность концертных номеров и походу настраивали инструменты. Павел знал всех оркестрантов и искренне удивлялся их талантам, умением виртуозно владеть музыкальными инструментами и вокалом.

– Привет! – сказали они ему хором.

– Здорово! – улыбнувшись, ответил им Павел. – Парни, выручайте сегодня, позарез надо. Три песни для меня исполните: «Брызги шампанского», «За чашкой чая», но, если совсем ничего получаться не будет, сыграйте танго «Дождь идёт». Исполняйте по моей команде, когда глазом моргну. Под эту музыку ноги хорошо слушаются и разговор задушевный складывается. У меня завтра День рождения!

– Поздравляем! – весело закричали музыканты и сыграли торжественное музыкальное приветствие – туш.

Павел сердечно поблагодарил музыкантов и, отойдя от них, присел неподалёку на скамейку, раскинул по спинке руки и подумал: «Может, это и есть счастье, когда ты полон сил, у тебя есть работа, способности и прекрасная мечта!»

На край скамейки села бабочка Павлиний глаз. Она раскрыла красивые крылья и во всей красе замерла. Павел

в продолжение своих мыслей и эмоционального состояния восхитился её красотой и испытал восторг от окружающего его родного и дорогого мира.

– Не улетай, дай налюбоваться тобой и запомнить тебя, – попросил Павел бабочку, – обязательно тебя нарисую.

Она словно услышав его, сложила крылья, резко расправила и взмыла. Но не улетела, а принялась порхать возле него, перелетая с места на место – по кругу.

– Ты умница! – похвалил бабочку Павел.

Она вновь села на спинку скамейки, раскрывая и закрывая красивые крылья, обернулась кругом, словно хвастаясь своей красотой, потом замерла, будто прощаясь, и понеслась по парку меж деревьев.

Пролетев несколько метров, насекомое внезапно попало в большую паутину и беспомощно забилося крыльями, пытаясь спастись от смерти. Колокольчиков тут же подскочил и бросился к ней на помощь. Когда паук выбрался из укрытия, Павел выхватил её из липкой сети и пустил лететь в другую сторону.

– Что же ты так неосмотрительна? – посетовал Павел. – Голову, что ли тебе заморочил!

Павел поглядел на паука и сказал:

– Ух, злодей! Справедливость восторжествовала!

Неудачливый и оскорблённый хищник скукожился и быстро побежал прятаться в густую листву.

«Зачем вмешался, – подумал Павел. – Бабочка жива, а кто

паука накормит? Где справедливость в моём поступке? Скорее глупость».

– Спра – вед – ли – вость, – по слогам произнёс Павел. – Спра – правый, правда, правдивый. Вед – ведать, то есть знать наверняка и быть уверенным. Поступать только по истине. А как же её узнать, если иной раз, не поймёшь с какой стороны подступиться?

Завораживающе грянул оркестр, и Павел увидел, что площадка уже начала заполняться молодёжью. Он поправил причёску, прижал к голове ладонями оттопыренные уши, будто они теперь послушно прилипли навсегда и останутся в таком положении.

С уверенностью взрослого мужчины, Павел ступил на деревянный пол площадки и приткнулся у ограждения, окидывая оценивающим взглядом присутствующих девушек.

Одна ему сразу понравилась тёмноволосая, задорная, в бардовом платье и туфельках на каблук, она оживлённо разговаривала с подружкой и не давала той рта открыть, хотя девушка порывалась высказаться.

«На следующий танец приглашу», – твёрдо решил Павел, – «Стройна девчонка и красива! Вполне подойдёт, с такой женщиной можно хоть всю жизнь прожить».

Музыка стихла, пары стали расходиться по краям площадки в ожидании следующего танца и желанных партнёров. Павел несколько раз моргнул глазом и, увидев одобрителный кивок руководителя ансамбля, принял уверенный, важ-

ный вид и направился к девушке в бордовом платье.

Оркестр ахнул зажигательным танго «Брызги шампанского».

– Разрешите вас пригласить на танец, – обратился Павел к девушке.

– Извини, жениха жду, – улыбнувшись, ответила девушка, – в следующую субботу у нас свадьба.

– А, – сконфуженно произнёс Павел, – извините.

Раздосадованный Колокольчиков вернулся на своё место, облокотился на деревянное ограждение и стал в очередной раз активно рыскать глазами по площадке. Теперь ему приглянулась блондинка в окружении двух девушек. Она важно молчала, озирая присутствующих, и слушала неугомонных подружек, которые наперебой, что – то ей рассказывали.

«Эта ничем не хуже, даже симпатичнее и пышнее» – подумал Павел, – «Как сразу её не заметил? Вот ошибёшься, а потом мучайся всю жизнь!»

По команде Павла зазвучало томное танго «За чашкой чая» и он бросился навстречу судьбе, нисколько не сомневаясь в успехе.

– Разрешите? – с улыбкой сделал предложение Колокольчиков.

Девушка оценивающе поглядела на Павла и безразлично ответила:

– Нет.

– Почему? У меня завтра День рождения, – не отступал

Павел. Неужели и теперь откажите.

– Приходи завтра, потанцуем.

– Хочу сейчас.

– Уйди, ты мне сейчас всю жизнь сломаешь, – грозно попросила девушка.

Павел после холодного душа из слов незнакомки, будто протрезвел и увидел, что она почти на голову выше, чем он.

Его легонько в сторону подвинул парень величиною в два метра и спросил у девушки:

– Кто это?

Она невинно пожала плечами.

– Глаша, не сердись, – ласково попросил парень.

– Вить, не могу без тебя ни секундочки.

Виктор подхватил любимую глашу за руку, закрутил её в танце, и они исчезли в толпе весёлых и счастливых людей.

И вновь Павел почувствовал чужое счастье, которое лизнуло его тёплым, нежным языком и будто хихикнув над ним, бесследно исчезло, не оставив и капли радости.

«Что вы обо мне знаете?! – мысленно бросил в толпу Павел. – Ничего!»

Остаться в одиночестве ему категорически не хотелось. Он не желал отправиться в восьмиметровую комнатку с крохотным оконцем и лечь спать на матрас, набитый старой соломой, тем более в такую рань. Несмотря на череду неудачных попыток обратить на себя внимание, он всё же не терял надежды этим вечером познакомиться с девушкой.

Время пронеслось стремительно. Музыканты объявили об окончании танцевального вечера. Площадка быстро опустела. Веером по сторонам разбредались парочки продолжать уединённые беседы, обниматься, целоваться и объясняться в любви: кто – то будет врать исполненный низменными желаниями, кто – то не осмысленно поклянется и после пожалеет, а кто – то сбережёт священные слова на всю жизнь и будет счастлив.

Павел оторвал взгляд от пыльного, серого пола танцевальной площадки и поглядел на музыкантов, которые окончив работу, торопливо собирали музыкальный инвентарь, чтобы отнести его в Дом культуры.

Чуть поодаль от них стояла девушка в светло – розовом платье и глядела на Колокольчикову. Она теребила пальцами русую косичку, и не отводила от него взгляда. Сердце Павла на радостях взыграло, и он тут же направился к ней и с ходу спросил:

– Желаете со мной познакомиться?

– Ещё чего?! До трамвая осталось десять минут, мне на окраину города ехать.

– Давно ожидаете?

– Я на танцах была, – объяснила девушка.

– Видать, наплясались до упаду?

– А как же! Лицом и фигурой вышла! – распрямившись и выставив вперёд ногу в беленькой туфельке, горделиво ответила девушка.

Её карие глаза заблестели задором и теплотой. Слегка курносенький носик учащённо засопел. Она смутилась от его пристального взгляда и улыбнулась миленькими губками. Павел увидел веснушки на её лице, и посчитал их необходимыми для такого доброго, милого лица.

– Целоваться полезете? – прямо спросила девушка.

– Хочу пригласить вас на танец, – предложил Павел, – если не возражаете.

– Кавалер нашёлся! – фыркнула девушка. – Ты ниже меня ростом, да ещё и лопухий.

– Где ниже?! – не согласился Павел.

Он прислонился к девушке спиной и приложил ладонь к её и своей макушке и немедленно констатировал неоспоримый факт:

– Я на сантиметр выше, тем более у вас каблуки имеются.

– Ну, если выше, – кокетливо улыбнулась девушка, – тогда пригласи.

– Секундочку, – игриво произнёс Павел, выставив вперёд ладонь, и побежал к музыкантам.

– Ребята выручайте, – взныл Павел, – ну очень надо!

– Мы половину инструментов унесли, – недовольно ответил руководитель ансамбля, но поправив на носу очки, не отказал. – Если хочешь, сыграем на тех, что здесь остались.

– Давайте, – взмахнул рукой Павел и побежал к девушке.

Звонко заиграл аккордеон, подхватила гитара и запела скрипка танго «Дождь идёт».

Колокольчиков подхватил девушку и закрутил её по всей площадке, ритмично ведя свою партнёршу. Он от счастья ног под собой не чувствовал и думал, что с одиночеством теперь покончено навсегда. Тёплое дыхание и капельки пота на носу девушки, родили в нём оглушительный восторг: " Вот она, моя возлюбленная и избранная. За ней пойду на край света!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.